

С. Л. Утченко

О КЛАССАХ И КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЕ АНТИЧНОГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ¹

Правильное понимание вопроса о классах и классовой структуре рабовладельческого общества имеет огромное значение для изучения истории древнего мира. Можно без преувеличения утверждать, что без четкого представления о классах в древности невозможно понять основные закономерности, процессы и даже отдельные факты истории рабовладельческого общества.

Буржуазная наука, всячески фальсифицирующая историю и извращающая понятие об общественных классах, в частности по отношению к древнему миру, конечно, не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа на этот вопрос. Наиболее реакционные представители буржуазной науки, как, например, Р. Пельман, М. Вебер, Эд. Мейер, М. Ростовцев, тенденциозно модернизировали историю, находя в рабовладельческом обществе классы и сословия, свойственные более поздним производственным отношениям. Они находили здесь феодалов и крепостных, они находили даже буржуазию и пролетариат. Все эти «открытия» призваны были подтвердить пресловутую теорию циклизма, стремящуюся путем фальсификаций доказать, что капитализм якобы представляет собой высшую стадию в развитии человеческого общества, которая будет существовать вечно.

Однако все это были лишь попытки с негодными средствами. Они давно разоблачены в советской исторической науке, вскрывшей их классовую сущность и научную несостоятельность. Только в марксистской исторической науке вопрос о классах и классовой борьбе в древнем мире стал предметом глубокого изучения.

Однако, несмотря на то, что эта проблема много и серьезно разрабатывалась советскими учеными, в нашей историографии нет еще ясности в этом вопросе. Более того, в самом подходе к изучаемому вопросу существует ~~очень~~ серьезный недостаток. Советские ученые, уделяя большое внимание анализу конкретных фактов и проявлений классовой борьбы в древнем мире, сравнительно меньше интересовались изучением классовой структуры рабовладельческого общества. Вследствие этого обстоятельства некоторые вопросы, которые, казалось бы, должны быть ясны каждому советскому историку древности, не являются таковыми и вообще даже не ставились с достаточной определенностью.

¹ Статья печатается в порядке обсуждения. Ред.

Не будет ошибкой сказать, что вопрос о том, можно ли при определении классового состава рабовладельческого общества говорить, о наличии только двух классов — рабов и рабовладельцев — едва ли рассматривается одинаково всеми советскими историками древности. Нет определенной точки зрения и на вопрос о том, имеются ли основания, применительно к древнему миру, говорить об основных и неосновных (переходных) классах? Ответ на эти и некоторые другие вопросы, связанные с проблемой классов и классовой структуры рабовладельческого общества, имеет существенное значение для советских историков. Поэтому в предлагаемой статье делается попытка наметить пути решения некоторых вопросов подобного рода. Необходимо оговориться, что объектом рассмотрения является лишь античное рабовладельческое общество, притом в его наиболее типичном, классическом выражении, т. е. Афины и Рим.

Античное рабовладельческое общество состояло из свободных и рабов. Основным эксплуатируемым и угнетаемым классом были рабы. Свободное население как в Греции, так и в Риме распалось на два класса: класс крупных землевладельцев-рабовладельцев (сюда также относятся владельцы рабских мастерских, торговцы, ростовщики, откупщики и т. п.) и класс мелких производителей, в который следует включить крестьян и ремесленников¹.

Таким образом, говоря об античном обществе, следует иметь в виду указанные классы. Однако одновременно необходимо подчеркнуть — и без этого нельзя правильно понять картину классовой борьбы в античном мире — определенную неравноценность, неравнозначимость этих классов в системе господствующего способа производства и определяемых им производственных отношений.

Каждый из антагонистических способов производства порождает лишь два основных класса. В рабовладельческом обществе такими основными классами являлись рабы и рабовладельцы, в феодальном — крепостные крестьяне и феодалы, в капиталистическом — буржуа и пролетарии. Но поскольку в классовых обществах сохраняются остатки прежних способов производства и складываются элементы новых способов производства, то этим объясняется существование неосновных (переходных) классов².

Таким неосновным классом в условиях античного рабовладельческого общества был класс мелких производителей — крестьян и ремесленников. Однако термин «переходный класс» в данном случае нуждается в оговорке. Нельзя представить себе дело так, что самый класс мелких производителей сохранился от предшествующего первобытно-общинного строя, от «патриархальной эпохи»³, по той простой причине, что первобытно-общинный строй не знает классов. Крестьяне-общинники и ремесленники могут рассматриваться как определенный класс, конечно, уже в условиях становления рабовладельческого общества и государства.

¹ Следует заметить, что специфика положения класса мелких производителей в общественном производстве античного общества заключалась в том, что они, продолжая оставаться мелкими производителями и даже подвергаясь эксплуатации, например, со стороны купцов, ростовщиков, крупных землевладельцев, в то же время сами могли sporadически и, конечно, в весьма ограниченных масштабах эксплуатировать труд рабов. Однако отсюда вовсе не вытекает, что их следует считать рабовладельцами. В процессе развития рабовладельческого способа производства наиболее зажиточные из них превращались в рабовладельцев, остальные разорялись и становились в примитивных рабовладельческих обществах рабами (рабство-должничества), в наиболее развитых — люмпен-пролетариями.

² См. «Исторический материализм» под ред. Ф. В. К о н с т а н т и н о в а, 1950, стр. 215—216.

³ Ср. «Исторический материализм», стр. 217. На наш взгляд, там этот вопрос освещен неправильно. Первобытно-общинный строй мог лишь поставлять «материал» для формирования класса мелких производителей.

Судьбы этого класса в Греции и Риме несколько различны, но все же не столь значительно, как это можно было бы думать. В основном, это был класс, обреченный развитием рабского способа производства на пауперизацию, на пополнение рядов античного люмпен-пролетариата¹.

Итак, основными антагонистическими классами античного общества являются рабы и рабовладельцы и в противоречиях между ними и выражается основное, ведущее противоречие данного способа производства. Это обстоятельство, конечно, не исключает в рабовладельческом обществе наличия других противоречий, которые в определенные периоды развития этого общества даже могут временно выдвигаться на передний план (например, на ранних ступенях развития античного рабовладельческого общества) и которые с максимальной четкостью определены в следующих словах: «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя»².

Необходимо выяснить процесс возникновения этих противоречий и этих классов в античном обществе. Совершенно очевидно, что в период господства первобытно-общинного строя ни классов, ни антагонистических противоречий не существовало. Однако первые более или менее достоверные исторические данные рисуют как греческое, так и римское родовое общество уже на стадии его разложения.

Если обратиться к этому периоду развития античного общества, то следует признать, что именно тогда возникают противоречия антагонистического характера и начинают складываться классы. Говоря о возникновении Афинского государства, Энгельс говорит, что «...здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых антагонизмов, развивающихся внутри самого родового общества»³.

Предпосылками возникновения общественных классов являются прежде всего рост производительности труда, создающий самую возможность отчуждения производимого продукта, а затем возникновение частной собственности, обуславливающей развитие имущественного неравенства.

Первое из указанных обстоятельств сделало возможным превращение пленника в раба с целью использования его рабочей силы. С того момента, как общины, захватывая пленных, стали превращать их в рабов, с этого момента, строго говоря, и начинается процесс разделения общества на классы — рабов и рабовладельцев. Энгельс пишет «...военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»⁴.

¹ Конечно, следует учитывать, что все сказанное приложимо лишь к определенным периодам развития античного общества и к его коренной территории, поскольку только здесь рабовладельческий способ производства развился настолько, чтобы решающим образом повлиять на судьбу крестьянства. В большинстве провинций Римской империи крестьянство существовало непрерывно с доримских времен и до средних веков; таково свободное крестьянство Галлии и Сирии, малоазийские *λαοί* и *πάρουχοι* (последние находились в зависимости от полисов), египетские *γεωργοί* и т. д. С другой стороны, крестьянство эпохи поздней Римской империи должно рассматриваться как совершенно иная, новая социальная категория, бывшая носителем нового способа производства, зародившегося в недрах рабовладельческого общества.

² История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

³ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 166.

⊗ Второе из указанных обстоятельств приводит к тому, что внутри самой общины отдельные лица (главы выделявшихся своим имуществом семей), очевидно, в силу наследственного занятия ими общественных должностей получают возможность захватывать в частную собственность рабов, а затем (значительно позже) и землю. Но это обстоятельство означает, что наряду с членением общества на рабов и рабовладельцев начинает складываться и другое классовое деление: крупные землевладельцы-рабовладельцы и мелкие производители (т. е. богатая родовая знать и разоряющийся «простой народ»). Энгельс говорит: «Различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, с новым разделением труда — новое деление общества на классы»¹.

Эти процессы шли параллельно, но, повидимому, несколькими различными путями в Греции и Риме.

Для Греции они засвидетельствованы достаточно рано. С одной стороны, об эксплуатации рабского труда известно уже из Гомера², о применении рабского труда в хозяйстве мелкого землевладельца свидетельствует Гесиод³, из Теопомпа⁴ можно заключить, видимо, о весьма раннем массовом применении рабского труда на острове Хиосе. С другой стороны, относительно ранних Афин известно указание, которое считается восходящим к Аристотелю⁵, о так называемой конституции Тесея, т. е. разделении всего населения Аттики на эвпатридов, геоморов и демиургов, которое Энгельс⁶ рассматривает как образование привилегированного класса эвпатридов и класса мелких производителей.

Однако все эти факты еще не дают основания считать, что в этот период уже сложилось классовое общество с его основными институтами. Но вместе с тем, несомненно, это был период становления новой формации, становления, происходившего в обстановке весьма сложной борьбы: борьбы рабского способа производства с мелким свободным производителем, борьбы «богатых промышленников и купцов» с родовой знатью, наконец, борьбы разоряющегося крестьянства за землю. Только в итоге этой борьбы и уничтожения органов родового строя или превращения их в органы государственные определяется ведущий способ производства и складывается рабовладельческое общество с его четко оформившимися классами, с определенной расстановкой классовых сил, при которой рабы и рабовладельцы уже выступают как основные классы-антагонисты, и, наконец, с его государственным аппаратом. В Афинах этот качественный скачок происходит в эпоху политических революций Солона и Клисфена. Энгельс, подводя итоги преобразованиям этой эпохи, говорит: «В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство оказалось приспособленным к новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизм между знатью и простым народом, а антагонизм между рабами и свободными, между неполноправными жителями и гражданами»⁷.

Все сказанное выше дает достаточное представление о сложности классовой структуры афинского рабовладельческого общества. Это представ-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 169.

² Н о м., Od., VII, 103—106; XX, 105—110; XXII, 721—723.

³ Н е с., Opera et dies, 465—471.

⁴ Athen., VI, 265 b—c (со ссылкой на Теопомпа).

⁵ P l u t., Thes., 25 (со ссылкой на Аристотеля).

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 113.

⁷ Там же, стр. 122.

ление может быть уточнено и детализовано на одном примере — на примере анализа понятия «демос».

Афинский демос эпохи расцвета Афин (до Пелопоннесской войны включительно), как известно, не представлял собой единообразной, однородной социальной категории. В афинский демос входили, с одной стороны, мелкие и средние землевладельцы (аттическое крестьянство), с другой — чрезвычайно разнородные городские элементы: купцы, ремесленники, владельцы мастерских, гребцы и низший командный персонал флота¹, городской люмпен-пролетариат. Из столь разнородного состава демоса вытекала сложность и напряженность классово-борьбы в Афинском государстве, поскольку в пределах «демоса» существовали разнообразные группировки и прослойки, движимые часто совершенно различными, а иногда и прямо противоположными интересами, не говоря уже о противоречивости интересов демоса и метеков или тем более интересов эвпатридов и демоса.

Чрезвычайно существенным было то обстоятельство, что в Афинах в состав демоса, как это только что отмечалось, входили торгово-промышленные элементы, которые и занимали здесь ведущее положение. Экономическая мощь и политическая активность этого слоя населения немало содействовали укреплению позиций демоса в целом.

Если перейти к Риму, то следует отметить, что общая схема развития классовых противоречий и формирования рабовладельческого общества остается той же самой, и это вполне естественно, так как отмеченные выше предпосылки образования классов были одинаковыми. Но, конечно, складывающееся рабовладельческое общество в Риме имело свои специфические черты. Древнейшая римская община делилась, как известно, на патрициев и клиентов, однако даже вопрос о том, кто такие были патриции и клиенты, нельзя считать решенным вполне определенно. Неизвестно также, было ли это деление в пределах общины универсальным, т. е. весь ли древнейший *populus Romanus* распадался на эти две категории², или существовала некая часть населения, входившая в *populus*, но не принадлежавшая ни к патрициям, ни к клиентам. Картина усложняется появлением плебеев. Не вдаваясь сейчас в чрезвычайно сложный и далеко не решенный вопрос о происхождении плебеев, достаточно указать лишь, что борьба между патрициями и плебеями, которую, вероятно, в ее начальной стадии следует рассматривать как борьбу двух общин³, затем перерастает — по мере усиления имущественного неравенства и экономической дифференциации — в социальную борьбу — борьбу против господства патрицианской родовой знати⁴. Доказательством того, что социальные противоречия уже очень рано начинают играть весьма важную роль

¹ См., например, P s.-X e n., Resp. Ath., 1, 2.

² Такой точки зрения, например, придерживался еще Niebuhr, Römische Geschichte, 4-е изд., стр. 339, говоря: «... римский народ состоял из патрициев и клиентов... до образования патрицианско-плебейской общины», но это положение едва ли может быть доказано.

³ Разумеется, плебейскую общину не следует представлять на первых порах столь же организованной, как община патрицианская; в этом и была ее слабость. Общинные институты появляются у плебеев постепенно, в процессе их борьбы с патрициями.

⁴ Изложенную точку зрения никоим образом нельзя сближать с теорией Эдуарда Мейера и других буржуазных модернизаторов, согласно которой экономическая дифференциация была причиной распада римского общества на сословия, аналогичные сословиям феодальной Европы. Экономическая дифференциация римского общества, как это отчетливо подтверждают источники, к которым Эдуард Мейер подходил в данном случае со свойственным буржуазной науке конца XIX — начала XX вв. гиперкритицизмом, отнюдь не являлась причиной появления патрициев и плебеев, но было бы нелепо отрицать роль и значение этой дифференциации в дальнейшем развитии классовых противоречий в древнем Риме.

в борьбе патрициев и плебеев, является конституция Сервия Туллия, которая по существу рассматривает весь римский народ как единую гражданскую общину и не знает ни патрициев, ни плебеев¹, но зато представляет собой наглядное свидетельство достаточно далеко зашедшего имущественного расслоения общества². Реформа Сервия Туллия, которая была одним из наиболее ранних переломных моментов в борьбе патрициев и плебеев, знаменовала собой крах старого родового строя, в результате чего в Риме установилось классовое рабовладельческое общество. Однако борьба патрициев и плебеев на этом не завершается.

Она продолжается и дальше, и притом не только как борьба социальная, но, в известной мере, и как борьба двух общин. Окончательное слияние обеих общин, выразившееся, в частности, в слиянии патрицианской и плебейской аристократии, наступает лишь во второй половине IV в., с его «...растворением... патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов...»³.

Таков не менее сложный процесс становления классового общества в Риме. Необходимо подчеркнуть некоторые специфические черты, отличающие это общество.

Прежде всего следует отметить, что дифференциация свободного населения в Риме в силу того, что раннее римское общество было чисто аграрным, шла иным, более замедленным путем. Однако суть дела заключается не только в более медленных темпах развития, но и в специфике этого развития. Действительно, в Афинах новая рабовладельческая верхушка, торговли и владельцы ремесленных мастерских, выходит из среды демоса, в Риме же она выделяется из плебса, т. е. не изнутри патрицианской общины, а извне, и это в известной мере даже обостряет классовую борьбу в римском обществе. С другой стороны, если в Афинах консолидация экономически мощных и политически активных слоев демоса (формирование в составе демоса торгово-ремесленных элементов) произошла на той стадии развития афинского общества, когда еще шла напряженная борьба за ликвидацию пережитков родового строя, борьба с господством родовой знати, то в Риме подобные процессы происходят в несколько иной социальной обстановке. Здесь они совершаются на том этапе развития рабовладельческого общества, когда родовая знать в основном уже была лишена своего экономического и политического господства (т. е. примерно на рубеже IV—III вв. — цензура Аппия Клавдия, начало чеканки серебряной монеты в 268 г. и т. д.).

Возможно, что именно эти причины приводят к принципиально иной расстановке и иному соотношению классовых сил в римском рабовладельческом государстве, к эпохе наиболее острых социальных конфликтов, т. е. во II—I вв. В противовес тому, что наблюдается в Афинах в V и первой половине IV в., верхи торгово-ремесленного слоя (крупные торговцы — *negotiatores*, ростовщики, владельцы ремесленных мастерских) в Риме не только фактически, но и юридически выделяются из состава демоса. К эпохе Гракхов этот слой оформляется в особо привилегированное сословие (всадничество), достаточно четко отграничивающее себя от позднейшего плебса. Основная масса мелких ремесленников и торговцев, которая попрежнему входила в состав плебса, напротив, постепенно разоряется и превращается в люмпен-пролетариев. Таким образом, строго говоря, уже во II в. до н. э. в Риме не существовало демоса в том понимании и значении этого слова, которое имеется в виду, когда идет речь об афин-

¹ См., например, Dion., IV, 20, 2—3; Liv., I, 43, 10.

² См., например, объяснение термина «пролетарий» у G e l l., NA, XVI, 10, 1—5.

³ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи... 1950, стр. 134.

В III в. до н. э. (эпохи расцвета Афин). Более того, именно с этого момента особенно проступает деградация римского плебса: далеко шагнувшая маргинализация крестьянства, рост люмпен-пролетарских слоев городского населения. Конечный результат этих сложных и мучительных процессов, происходивших внутри римского общества, совпадает с агонией республики: обескровленный гражданскими войнами, поскольку его представители со времен Мария составляли основной контингент легионариев, потерявший самостоятельное политическое значение, римский плебс в конечном счете превращается в «голосуемый скот», подкармливаемый олигархической верхушкой и используемый ею в качестве своего послушного орудия.

Еще более существенным является тот факт, что непосредственные противоречия между основными классами-антагонистами рабовладельческого общества, т. е. между рабами и рабовладельцами, достигли своего наиболее полного, острого и по своим масштабам наиболее широкого выражения только в условиях развития Римского рабовладельческого государства. Можно утверждать, что в истории Греции наиболее яркие образцы и примеры классовой борьбы относятся к борьбе между богатыми и бедными, между классом крупных землевладельцев, купцов и промышленников и классом мелких свободных производителей, тогда как выступления рабов имели спорадический характер (восстания илотов, бегство рабов во время Декелийской войны). Только в Риме, особенно в эпоху его превращения из италийской *civitas* в великую средиземноморскую державу, выступления рабов достигают таких масштабов (сицилийские восстания, гладиаторы), что ставят под угрозу самое существование господствующих классов. Противоречия между основными классами-антагонистами рабовладельческой формации впервые определяются непосредственно с таким размахом и такой остротой только в эпоху господства Рима над средиземноморским миром.

Вместе с тем неизвестное по своим масштабам Греции и эллинистическому миру применение рабского труда влечет за собой грандиозное разложение мелких производителей. В результате этого, наряду с борьбой между основными классами-антагонистами, обостряется и борьба между классом мелких производителей и рабовладельцами. Об этом свидетельствуют бурные события последних десятилетий Римской республики, вплоть до гражданских войн после смерти Цезаря.

Вследствием всех этих причин является та специфическая тенденция, которая в конечном счете порождает своеобразные политические формы. Рабовладельческий класс Рима стремится консолидировать свои силы против эксплуатируемых классов. И действительно, в истории позднереспубликанского Рима можно наблюдать эту постепенно складывающуюся тенденцию: консолидации господствующего класса вплоть до установления режима военной диктатуры и примирения различных социальных групп «приспоединение» под «надклассовой» эгидой Августа.

Таковы некоторые соображения о классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что все вышесказанное не претендует на то, чтобы служить решением этой большой и сложной проблемы, но должно рассматриваться лишь как попытка наметить приемлемые для советского историка пути ее решения.

